

бы их слишком, если бы, как уверяют, Стефан Сеграв, тогдашний советник короля, человек, любивший одного себя, и сердце которого всегда было склонно ко злу, не заключил симонического договора с нунцием Стефаном и не устроил бы так, что десятина была вытребована сполна, к неисчислимому вреду для церкви и государства. После того нунций Стефан показал всем прелатам доверительное письмо Папы, которым он назначил его заведовать сбором десятины. Этот сбор должен был делаться не по той таксации, которая была недавно установлена для взимания двадцатой доли для приобретения от короля привилегий, но по новой оценке имущества, более удобной и выгодной для государя Папы; а именно, этот сбор должен был производиться с доходов, извоза, найма плугов¹, приношений, десятин, корма животных, производств земли и приобретенных имуществ, как церковных, так и других, под какими бы названиями они ни существовали; притом не допускалось никаких скидок, и ни под каким предлогом не прищмались в соображениях ни долги, ни расходы. Это же доверительное письмо уполномочивало Стефана отлучать сопротивляющихся и прекращать богослужение в церквях. На основании того Стефан в каждом графстве назначил своих агентов и отлучил всех тех, которые осмелятся сами или через других препятствовать сбору десятины или оценке имущества посредством стачки, укрывательства или другого обмана. А так как это дело не допускало никаких промедлений, то Стефан потребовал под страхом отлучения от всех прелатов и других, чтобы они внесли ему вдруг всю требуемую сумму, или сделали заем, или другим способом приобрели деньги, так, чтобы он мог, не выжидая конца операции сбора, удовлетворить Папу; а после они могут вернуть свое, когда будет собрана десятина. Он говорил, что государь Папа обременен такими огромными долгами, что он решительно не знает, каким об-

разом кончить предпринятую войну. После того собор разошелся, впрочем, не без сильного ропота.

Тогда Стефан немедленно разослал письма епископам, аббатам, приорам и монастырям всех ордепов с приказанием под страхом отлучения препроводить ему к назначенному дню сумму серебра, хорошей новой монетой полного веса, достаточную для того, чтобы государь Папа мог удовлетворить своих кредиторов и чтобы они сами спаслись от отлучения. Этот человек был до того неумолим в своих требованиях, что требовал десятины даже с плодов следующей осени, которых можно было ожидать. Прелаты, не имея других средств, продавали чаши, сосуды, раки и другие священные предметы; иные же отдавали их в залог и делали займы. Стефан имел при себе проклятых ростовщиков, которые выдавали себя за негодяев и прикрывали свою постыдную деятельность именем торговли; они-то и снабжали серебром тех, которые находились в пужде и угнетались взысканиями Стефана. Он не давал никому пощады, угрожал всякому, и те, которые успели достать серебро за большие проценты, делались потом жертвой ростовщиков и претерпевали страшные убытки. Англия разражалась в то время такими проклятиями, что нельзя было повторять их вслух; ропот был на устах всех; каждый говорил: «О, если бы этот сбор не пошел впрок тем, для которых его делают!» Желание народа исполнилось, ибо «худо приобретенное не приносит пользы». Но с этой эпохи Англию точили ульграмонганы (то есть загорные люди, живущие за Альпами; их называли также *ломбардами*; и эти два выражения сделались тождественными с именем ростовщика), которые хотя и называли себя торговцами, но в сущности были безбожными ростовщиками, которые старались поймать в свои сети всех, кого угнетали поборы римского двора. Вследствие всего того, Стефан, капеллан государя Папы, а на деле человек, строгий себе серебряное руно, оставил в Англии непамятную память о себе. Райнвальд, граф Честерский, один сопротивился с энергией; он не хотел передать свою землю рабству и не позволил ни

¹ В Средние века существовал особого рода промысел отдачи на прокат плуга бедным крестьянам, которые не имели средств приобретать сельские орудия в собственность.